

Как узнать, кто и почему (не)одобряет войну? Современные исследования отношения к войне

Неврюев А.Н.

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
(ФГОБУ ВО «Финуниверситет»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru*

Сариева И.Р.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru*

В статье представлен обзор современных исследований отношения к войне у жителей разных стран. Дано определение отношения к войне, описаны история и методы (психологические и социологические, количественные, качественные и экспериментальные) его изучения, а также показана взаимосвязь с социально-демографическими, средовыми и психологическими переменными. Выделены индивидуально-психологические (личностные черты, мотивация, психологическое благополучие) и социально-психологические (идеологические предпочтения, социальные верования и гражданская идентичность) корреляты отношения к войне. Приводятся выводы, демонстрируются ограничения и перспективы будущих исследований.

Ключевые слова: отношение к войне, методы исследования, индивидуально-психологические корреляты, социально-психологические корреляты.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-113-50270.

Для цитаты: Неврюев А.Н., Сариева И.Р. Как узнать, кто и почему (не)одобряет войну? Современные исследования отношения к войне [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110108>

How do you know who (dis)approves of war and why? Modern Studies of Attitudes to War

Andrey N. Nevryuev

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru*

Irena R. Sarieva

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru*

The article provides an overview of contemporary research on attitudes towards war among residents of different countries. The definition of the attitude to war is given, history and methods (psychological and sociological, quantitative, qualitative and experimental) of the study are described, as well as the relationship with socio-demographic, environmental and psychological variables. The individual psychological (personality traits, motivation, psychological well-being) and socio-psychological (ideological preferences, social beliefs and national identity) correlates of attitudes towards war are distinguished. Conclusions are given, limitations and prospects for future research are demonstrated.

Keywords: attitude toward war, research methods, individual psychological correlates, social psychological correlates.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-113-50270.

For citation: Nevryuev A.N., Sarieva I.R. How do you know who (dis)approves of war and why? Modern Studies of Attitudes to War. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110108> (In Russ.).

CC BY-NC

Введение

На протяжении всей истории человечества конфликты являются неотъемлемой частью взаимодействия между различными социальными группами. Люди, которые проживают в разных странах или внутри одной страны, используют разные способы взаимодействия друг с другом для разрешения таких конфликтов. Это могут быть как мирные переговоры, так и военные действия. Участие в военном конфликте или наблюдение за ним может стать для человека значимым травмирующим событием в жизни, которое запоминается лучше других и закладывает определенное отношение к войне [33]. Такое отношение может быть как отрицательным, так и положительным, в том числе у широких масс людей [8]. Вопрос о том, как формируются и с чем связаны положительное и отрицательное отношение к войне, является важным объектом изучения в социальных науках. Изучение отношения к войне помогает лучше понимать психологические особенности людей, которые ее одобряют или, напротив, выступают против нее.

Первые исследования, связанные с изучением отношения к войне, начали появляться в 30-е годы XX века. В одном из таких исследований [например: 52] доказывалась возможность использования метода шкалирования для изучения отношения к различным социальным явлениям и проблемам. Изучались различные последствия Первой мировой войны, необходимость расформирования или сохранения военных частей, службы в армии, сознательного отказа от войны, связи войны с преступлениями людей. Следующий заметный рост подобного рода исследований приходится на 80—90-е годы. В этот период рассматривались последствия Второй мировой войны, холодной войны между США и СССР и перспективы использования новых видов ядерного оружия.

Несмотря на почти вековую историю, изучение отношения к войне среди различных возрастных, этнических, гендерных групп остается актуальной проблемой в психологической науке. Военные способы разрешения конфликта практикуются и в настоящее время, их количество, по данным ООН, только растет [2]. Эти данные подтверждаются и результатами исследований. Так, в рамках ACLED (проекта США, в котором ученые собирают данные о конфликтах, их участниках и последствиях) было показано, что за период с 2016 по 2021 год количество военных конфликтов увеличивается: в 2016 году их было зарегистрировано 839, в 2017 году — уже 8 045, в 2018 их количество резко выросло — до 49 364. В последующие годы их число лишь незначительно снижалось: в 2019-м их было зарегистрировано 44 252, в 2020-м — 34 264, за первую половину 2021 года — 15 826 [7]. Из этих данных следует, что существует заметная динамика в увеличении и незначительная динамика в уменьшении количества военных конфликтов. Военные конфликты не проходят незаметно — они влекут за собой определенные

последствия, которые также являются объектом изучения. Например, в исследовании [14] было показано, что после окончания войны в обществе снижается уважение к правам человека.

Основная цель данного аналитического материала — обзор актуальных исследований отношения к войне, методов его изучения, а также установления взаимосвязи с другими социально-демографическими, средовыми и психологическими переменными. Непосредственно под *отношением к войне* подразумевается оценка войны с точки зрения ее влияния на жизнь людей, ее эффективности как способа разрешения конфликтов и ее нравственности. Сам обзор разделен на четыре основных раздела. В первом разделе описаны методы изучения отношения к войне. Во втором представлены средовые и социально-демографические переменные (пол, возраст, образование, средства массовой информации, страна проживания, особенности военного конфликта) и их связь с отношением к войне. В третьем и четвертом разделах рассмотрены индивидуально-психологические (черты личности: «Большая пятерка» и «Темная триада», мотивация, психологическое благополучие: эмпатия и стресс, ценности) и социально-психологические (идеологические предпочтения (правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование), социальные верования (вера в опасный и конкурентный, а также справедливый мир)), гражданская идентичность (национализм и патриотизм) переменные соответственно. В конце обзора сделаны общие выводы, описаны ограничения и обозначены перспективы данного направления исследований.

Методы исследования аттитюдов к войне

Для лучшего понимания результатов различных исследований отношения к войне необходимо проанализировать способы его измерения, поэтому первый раздел обзора посвящен методам изучения отношения к войне. В целом, их можно разделить на количественные опросные исследования, качественные исследования и экспериментальные исследования.

Количественные опросные исследования: глобальные и локальные опросы. В рамках двух основных глобальных проектов (World Values Survey (WVS) — изучение мировых ценностей и European Values Study (EVS) — изучение ценностей европейцев) изучается отношение к войне (например, насколько человек испытывает беспокойство о войне (гражданской войне), считает ли он ее справедливой, как оценивает вероятность будущих войн [24; 56]). Кроме того, проводятся опросы для изучения взглядов жителей конкретной страны. Например, в проекте Pew Global Attitudes Project (США), который ориентирован на изучение общественного мнения жителей США, людей просили оценить, насколько правильным было применение военной силы в Ираке [43]. В психологическом исследовании, где одним из мето-

дов изучения отношения к формам участия России в сирийском конфликте выступал социологический опрос, было обнаружено, что люди, которые одобряют войну, готовы оказать военную помощь Сирии, но не готовы оказывать политическую и гуманитарную помощь этой стране [1].

Количественные опросные исследования: психологические шкалы. Отношение к войне в социальной психологии исследователи изучают с двух различных позиций: ряд исследователей считают, что отношение к войне является лишь частью более крупного объекта для изучения — отношения к насилию в целом (наравне с отношением к насилию над детьми, партнерами, другими людьми в целом). Вторая позиция — рассматривать отношение к войне как отдельный объект для изучения (опросники и шкалы должны затрагивать только эту тему, не касаться других форм насилия). Ниже эта позиция будет рассмотрена более подробно.

В соответствии с идеей Л. Тернстоуна о возможности применения шкал для изучения отношения людей к разного рода явлениям [52] исследователи начали использовать опросники для изучения отношения к войне. Со временем их число лишь увеличивалось, и теперь они сильно отличаются друг от друга: например, некоторые опросники могут включать в себя лишь утверждения об отношении к конкретной войне [например: 51]. Другие опросники направлены на изучение войны вообще как способа разрешения международных конфликтов [12; 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что в психологических количественных исследованиях, изучающих отношение к войне, сочетаются как социологическая традиция изучения явления методом постановки определенным образом сформулированных вопросов или утверждений (в разных исследованиях — от одного до пяти), так и традиция психологических шкал и субшкал, состоящих из множества вопросов и фиксирующих разные аспекты отношения.

Качественные исследования. Такие исследования позволяют обнаружить особенности дискурса [29], в котором, например, показано, насколько полезным или вредным можно считать военное вмешательство в дела другой страны. Кроме того, для исследования используют открытые вопросы (исследователи спрашивают, например, о том, считает ли человек, что можно прожить без войны, каким образом война отражается на его жизни, что он считает агрессией в социальной сфере и в повседневной жизни [11]).

Таким образом, использование качественных методов позволяет понять, как именно проявляется отношение к войне и как оно может различаться у разных групп людей.

Исследование отношения к войне с помощью экспериментальных методов. Эксперименты, в рамках которых также изучалось отношение к войне, были проведены в США и странах Европейского союза (Франция, Германия, Великобритания, Италия, Польша).

В одном из исследований испытуемым предлагалось оценить поведение солдат (с точки зрения его моральной составляющей) в зависимости от типа войны: нападающая, защитная, гуманитарная, справедливая, несправедливая. Исследователи предполагали, что испытуемые будут оценивать солдат, исходя из тезиса, что они воюют не по своей воле и не могут нести ответственность за приказы своих командиров (принцип боевого равенства). Они ответственны лишь за свое поведение. Результаты исследования не подтвердили данное предположение: оказалось, что испытуемые были склонны к оценке солдат в зависимости от того, воюют они на «справедливой» или «несправедливой» стороне. То есть испытуемые оценивали действия солдат асимметрично [55].

В другом исследовании авторы изучали, каким образом напоминание людям о крупных военных конфликтах (например, о Второй мировой войне) может повлиять на их отношение к войне вообще. Для этого людей разделили случайным образом на две группы и попросили ответить на вопросы об отношении к возможной финансовой помощи другой стране Европейского Союза, если она столкнется с экономическими проблемами, к свободному передвижению между странами — членами ЕС на постоянной основе, к помощи в процессе создания армии ЕС. Испытуемые в экспериментальной группе читали виньетку (описание войны с акцентом на разрушительных последствиях, количестве погибших и ее влиянии на Европу в целом) до ответов на вопросы, испытуемые контрольной группы — после ответов на них. В результате было установлено, что значительно увеличивается при предварительном прочтении виньетки только желание оказать финансовую помощь [19].

Среди экспериментов встречаются и эксперименты, связанные с нейронауками. Так, в современных (2021 г.) исследованиях используются методы нейронаук (например, электроэнцефалографии [34]) для изучения отношения к войне.

Таким образом, в количественных опросах можно условно выделить два подхода: социологический (содержит одно—два утверждения, относится к конкретной войне/войне в целом, используется на больших выборках) и психологический (война рассматривается как частный случай насилия либо как отдельное явление). Применение количественных методов не дает понимания причин того или иного отношения к войне. Качественные методы применяются для анализа медиаматериалов и в кейсовых исследованиях, однако ограничены в статистической обработке. Классические экспериментальные методы наиболее результативны, однако сложны в плане организации и проведения (возникают этические и ресурсные сложности). К примеру, напоминание о войне во время такого исследования может вызывать у некоторых испытуемых негативные чувства и эмоции и повысить уровень их агрессии.

Социально-демографические и средовые переменные, связанные с аттитюдами к войне

При изучении отношения людей к различным событиям или группам и способам формирования такого отношения немаловажную роль играют социально-демографические и средовые параметры. К социально-демографическим факторам, которые связаны с отношением к войне, исследователи относят возраст, пол, уровень образования респондентов. К средовым же относятся различные средства массовой информации, место проживания и особенности конкретного военного конфликта.

Возраст. Исследование, которое было проведено с участием подростков из четырех разных стран (Бразилия (ср. возраст — 14,37), Чили (ср. возраст — 14,4), Германия (ср. возраст — 12,8), Португалия (ср. возраст — 13,3)), показало, что ответы подростков из Бразилии об отношении к войне были более однозначными и простыми, чем у подростков из других стран. Подростки из Германии признавали, что война неизбежна, а из Бразилии и Чили — что войны можно избежать [11]. Результаты исследований, которые проведены в Секторе Газа, где прошла военная операция «Нерушимая скала», показали, что подростки не верили, что ХАМАС будет уничтожен, а эта война прекратит давний конфликт [37].

Можно сделать вывод, что представления у детей и подростков о войне более упрощенные, чем у взрослых, и в процессе социализации подвержены влиянию внешних факторов, таких как поведение родителей, программы обучения и медиа.

Пол. В исследованиях о связи пола и отношения к войне (которые начались еще в конце 90-х годов) выделяют две основные позиции: мужчины демонстрируют более позитивное отношение к войне по сравнению с женщинами [16; 27], женщины демонстрируют негативное отношение [21, 22]. Согласно другой точке зрения, отношение к войне у мужчин и женщин может быть любым и не зависит от пола [6].

Однако такая связь может появляться при определенных обстоятельствах: у женщин может быть более выраженное позитивное отношение к войне, если они ощущают опасность за жизнь детей [3], а у мужчин — если обладают высоким уровнем веры в «мужскую честь» [35].

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент нет однозначного ответа на вопрос о том, какова сила и направленность связи между полом и отношением к войне. Можно предположить, что одной из причин такого результата является развитие и пересмотр некоторых аспектов гендерных ролей. В связи с наличием исследований, подтверждающих различные точки зрения, данный вопрос требует отдельного изучения.

Образование. Недавние исследования, в которых изучался вопрос связи уровня образования и отношения к войне, продемонстрировали, что существует связь между знаниями международных законов и отно-

шением к войне. Например, в исследовании [53] было установлено, что высокий уровень знания таких законов коррелирует с низким уровнем одобрения неоправданного насилия во время войны.

В контексте взаимосвязи знаний в сфере международного законодательства и отношения к войне будут играть роль дополнительные факторы, такие как ситуация в стране или особенности культуры. Так, например, религиозный фундаментализм прямо пропорционально связан с враждебным отношением к аутгруппам [47].

Средства массовой информации. Исследователи, которые изучают отношение к войне, часто обращают внимание на особенности различных средств массовой информации, с которыми может быть связано это отношение. В том числе изучается связь рекламы в процессе трансляции новостей о военных действиях с отношением к ним. В одном из таких исследований люди, которые прочли газетные статьи о гражданских жертвах войны в Афганистане, сопровождающиеся рекламой люксовых товаров, впоследствии были меньше озабочены этими потерями (только консерваторы, но не либералы) [28]. Кроме того, люди, которые негативно оценивают войну, хуже относятся к политической рекламе, меньше поддерживают любых политиков и не планируют идти на выборы [46].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что люди, которые интересуются темой войны в средствах массовой информации, оценивают войны по-разному: те, кто обращает внимание на рекламу предметов роскоши во время чтения новостей о жертвах войны и относит себя к консерваторам, оценивают число жертв в военных действиях более толерантно, по сравнению с либералами, которые также смотрели эту рекламу. Кроме того, те, кто считают, что война влияет на них, относятся хуже к сфере политики в целом.

Страна проживания. В своих исследованиях некоторые авторы рассматривают такую переменную, как страна проживания. В частности, было установлено, что у жителей США превалирует позитивное отношение к войне в целом, по сравнению с жителями остальных стран [9]. То есть жители США в большей степени оправдывают войну как способ разрешения конфликтов и демонстрируют позитивное отношение к военным действиям.

Таким образом, страна проживания влияет на отношение к войне. Люди, живущие в странах, которые инициируют военные действия, демонстрируют более позитивное отношение к войне.

Особенности военного конфликта. Отношение к войне можно рассматривать на общем уровне (как к способу разрешения конфликта) и на частном (как к конкретной войне). Исследования отношения к конкретным войнам были проведены в США и Европе и касались известных конфликтов XX века — в Ираке и Персидском заливе.

Исследования отношения к войне в Ираке продемонстрировали, что позитивное отношение демон-

стрировали немецкие студенты, которые верили в высокий уровень угрозы терроризма и низко оценивали человеческие потери [44]. Также было показано, что респонденты, которые придерживались крайних взглядов на религию и считали, что необходимо жить в соответствии только с данными убеждениями, больше поддерживали военное вмешательство в данный конфликт, в то время как люди, которые были ориентированы на поиск не различий, а общего между собой и жителями Ирака, напротив, демонстрировали негативное отношение к этой военной операции [49].

Изучение отношения к войне в Персидском заливе продемонстрировало следующие результаты. Позитивное отношение к войне, в частности к поведению США, то есть применению силы в этом конфликте, чаще было у представителей республиканских партий, чем демократических [10]. Отношение к действиям сторон в ходе данной войны было связано также с двумя видами атрибуции, которыми могли пользоваться участники конфликта: ситуационной (объяснение причин поведения внешними обстоятельствами) и диспозиционной (объяснение причин поведения личностными чертами). Большинство арабских респондентов считали, что поведение США (как представителя многонациональных сил) связано с желанием не освобождения Кувейта, а борьбы с Ираком (68% — ситуационная, 32% — диспозиционная). Поведение Ирака в основном объяснялось с точки зрения анализа решений Саддама Хусейна (импульсивных и неподготовленных), а также исторических предпосылок конфликта между Ираком и Кувейтом (36% — ситуационная, 64% — диспозиционная). Респонденты из Магриба отдавали скорее предпочтение ситуативной (87%) атрибуции (при объяснении поведения многонациональных сил), в то время как респонденты из Египта выбирали как ситуативную (56%), так и диспозиционную (44%) атрибуцию [32].

Другим направлением изучения отношения к войне стало изучение отношения к войне как к способу разрешения международных конфликтов. Выделяют несколько основных способов разрешения таких конфликтов. Во-первых, это смена политического лидера. В одном из исследований было установлено, что приход к власти Б. Обамы изменил отношения между США и НАТО. До этого (в период президентства Дж. Буша) между США и некоторыми странами, которые входят в НАТО, были конфликты (например, связанные со способами борьбы с терроризмом) [50]. Некоторые способы разрешения международного конфликта рассматривают в контексте продолжающихся и трудноразрешимых конфликтов (например, арабско-израильский конфликт) — например, дипломатическое урегулирование путем переговоров. Так, было установлено, что те, кто участвовал в боевых действиях как представитель Армии обороны Израиля, в дальнейшем демонстрировали негативное отношение к переговорам с палестинцами [30]. Кроме того, способом разрешения также является достижение компромисса. Так, в исследовании было установлено,

что позитивное отношение к компромиссу в арабско-израильском конфликте было связано с чувством симпатии по отношению к палестинцам, но не с чувством страха перед ними [41]. Еще одним способом разрешения конфликта является война. Результаты исследований, которые были проведены в США, Дании и Бельгии, продемонстрировали, что позитивное отношение к войне связано с желанием участвовать в действиях, направленных на решение разногласий между странами путем войны [12; 8].

Таким образом, на данный момент существует достаточно большое количество исследований, в которых изучаются отношение к войне и социально-демографические и средовые переменные. Они позволяют сделать выводы о том, как средства массовой информации влияют на отношение к войне, а также то, как особенности конкретного военного конфликта связаны с отношением к нему. Кроме того, можно отметить и различные способы (помимо войны) разрешения военного конфликта, которые также связаны с отношением к нему. Однако необходимо увеличение кросс-культурных и универсальных исследований, поскольку такие исследования позволили бы уверенно ответить на вопросы о взаимосвязи пола, образования и особенностей восприятия военного конфликта с отношением к войне в целом, а также выявили бы характеристики различных способов разрешения международных конфликтов.

Индивидуально-психологические корреляты отношения к войне

К индивидуально-психологическим коррелятам относят черты личности («Большая пятерка», «Темная триада»), а также особенности мотивации. Кроме того, к данным характеристикам относят также связанные с психологическим благополучием склонность к эмпатии и наличие (отсутствие) стресса (чаще всего они описываются в модели М. Девиса); также исследователи часто обращаются к изучению ценностей (в рамках теории ценностей Ш. Шварца). Они будут описаны далее в тексте.

«Большая пятерка» и ее связь с отношением к войне

«Большая пятерка» — совокупность пяти черт личности, с помощью которых исследователи описывают ее. Эта модель пользуется большой популярностью среди исследователей [13] и описывает такие характеристики, как открытость новому опыту, добросовестность, доброжелательность, эмоциональная стабильность и экстраверсия. В одном из исследований было установлено, что позитивное отношение к войне обратно пропорционально коррелирует с доброжелательностью и открытостью новому опыту [45].

«Темная триада» и ее связь с отношением к войне

«Темная триада» — совокупность трех негативных черт личности, которые описывают ее «темные» сторо-

ны. К ним относятся такие личностные особенности, как нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. В одном из исследований [4] было установлено, что все черты «Темной триады» связаны с демонстрацией позитивного отношения к войне во время несения военной службы (например, выполнение приказов, даже если человек с ними не согласен) и только психопатия (как единственная из черт триады) связана с демонстрацией позитивного отношения к войне непосредственно во время войны (например, желание прибегнуть к пыткам).

Мотивация и ее связь с отношением к войне

Мотивация — это импульс, который направляет человека к достижению поставленной цели. Опираясь на теорию Макклеланда, который выделял три основных мотива (достижение, власть и аффилиация), психологи в одном из исследований составили опросник, связанный с изучением мотивации к войне у политических лидеров, затем этот опросник заполняли студенты из Франции и Алжира. Было установлено, что студенты из Франции считали, что позитивное отношение к войне чаще проявляется у политических лидеров, которые стремятся к защите групп меньшинств, борьбе с диктатурой и терроризмом, а также за демократию. В то же время молодые люди из Алжира считали, что позитивное отношение к войне характерно для людей, которые хотят продемонстрировать собственную безжалостность, доказать свою способность привести народ к победе, превзойти мировых лидеров, а также присоединить к своему государству новые земли или вернуть старые и не дать врагам захватить свою территорию [20].

Эмпатия и ее связь с attitudes к войне

Эмпатия — эмоциональная реакция, вызванная опытом наблюдения за другим человеком [12]. Исследования, которые были посвящены изучению эмпатии и отношению к войне, продемонстрировали следующие результаты. Было обнаружено, что высокий уровень диспозиционной эмпатии имеет прямую корреляцию с мирными способами разрешения конфликта [39] и обратную — с военными способами [23].

Исследователи рассматривали и другие эмоциональные состояния. Так, в одном из исследований было показано, что люди, которые испытывают после просмотра роликов в лаборатории позитивные переживания (состояние умиротворения, расслабленности и спокойствия), более терпимо относятся к нарушителям социальных норм (военные действия рассматриваются достаточно часто в этом контексте), чем те, кто испытывает негативные переживания (состояние страха, ужаса и беспомощности) [48].

Стресс и его связь с attitudes к войне

Стресс (personal distress) — это ощущение тревоги во взаимодействии с другими людьми [12]. В исследовании, где изучалась связь стресса и отношения к войне, было продемонстрировано, что высокий уровень стрес-

са связан с негативным отношением к войне [17]. Однако такая связь носит противоречивый характер: так, у респондентов из США и Дании данная связь была обнаружена [12], но во время аналогичного исследования в Бельгии она отсутствовала [8]. Авторы объяснили это тем, что люди, которые переживают стресс и акцентируют внимание на последствиях войны, имеют более сильное влияние этих переменных на свое отношение к войне [8]. В то же время в исследовании [12] указывалось, что в отличие от других конструкторов стресс напрямую был связан с отношением к войне. Поэтому в данной связи возможно наличие еще одной переменной (например, отношение между личностью и обществом, которое ее окружает), которая бы ее опосредовала и придавала ей стабильность.

Ценности и их связь с attitudes к войне

Ценности — образ желаемых целей у человека, на которые он ориентируется и к достижению которых стремится [44]. Так, в одном из исследований изучалась связь между ценностями людей и их отношением к войне. Оно проводилось после 11 сентября 2001 года (с сентября 2002-го по март 2003-го года) на территории Германии. В результате респонденты, у которых были выражены ценности самоуверждения («власть» и «достижение») и сохранения («безопасность» и «конформизм»), имели позитивное отношение к войне в Ираке (которая происходила на момент опроса). Для таких респондентов также были характерны низкие значения ценностей самоопределения («благожелательность», «универсализм») и открытости изменению («самостоятельность») [44].

Таким образом, позитивное отношение связано с низким уровнем доброжелательности и открытости новому опыту, а также в целом с чертами «Темной триады» (в условиях службы) и с психопатией (в условиях войны). Кроме того, позитивное отношение к войне имели те политические лидеры, у которых была мотивация, связанная с повышением авторитета, а также те, кто стремился защищать ущемленные группы людей и кого интересовали вопросы, связанные с территориальной целостностью страны. Что касается характеристик, связанных с психологическим благополучием, то позитивное отношение к войне демонстрируют люди с низким уровнем эмпатии и высоким значением ценностей самоуверждения и сохранения.

Социально-психологические корреляты отношения к войне

Как было отмечено выше, война (в рамках изучения в политической и социальной психологии) рассматривается как феномен, связанный с отношением к другим людям и к группам, в состав которых они входят. На основании этого в разделе будут рассмотрены переменные, которые связаны с представлениями человека о мире и положении в нем своей и чужой группы, а

именно социальные верования, идеологические предпочтения и гражданская идентичность.

Социальные верования. Социальные верования — это образ того, как устроен мир вокруг людей, а также тех, кто их окружает. В качестве наиболее распространенных верований отмечают веру в опасный мир, веру в конкурентный мир и веру в справедливый мир. Вера в опасный мир — это множество мнений человека о том, насколько мир вокруг него может быть опасным и непредсказуемым. Низкий уровень веры в опасный мир предполагает, что мир безопасный и предсказуемый. Исследования, которые были посвящены изучению связи веры в опасный мир и отношения к войне, продемонстрировали, что высокий уровень веры в опасный мир позитивно связан с отношением к войне [18].

Вера в конкурентный мир — это совокупность взглядов человека на то, насколько люди, которые его окружают, могут его обмануть и обойти в гонке за место под солнцем. Низкий уровень веры в конкурентный мир предполагает, что каждому в мире можно доверять и люди вокруг благородны и гуманны [31]. В исследованиях, в которых изучалась связь между верой в конкурентный мир и отношением к войне, было установлено, что высокий уровень веры в конкурентный мир прямо коррелирует с отношением к войне [18; 31; 35].

Вера в справедливый мир — это представление человека о том, что мир вокруг него рационален и логичен, а поведение человека связано последствиями. Если человек совершает социально одобряемый поступок, то он получает вознаграждение, если дурной, то его ждет возмездие [1]. Результаты исследования этой веры и отношения к войне продемонстрировали противоречивые результаты: так, в исследовании [49] было показано, что она имеет позитивную связь с отношением к войне, но в исследовании [1] такой связи установлено не было. Вероятно, такие противоречивые результаты могут объясняться тем, что операционализации этого понятия в контексте разных видов войн (общих или локальных, нападающих или защитных, с другими государствами или с терроризмом) должны рассматриваться в каждом случае с учетом специфики конкретной войны.

Идеологические предпочтения. Под идеологическими предпочтениями в данном случае понимается то, на что обращают внимание люди, когда речь идет об отношении к социальным нормам и традициям, а также положению в обществе в целом. К ним относятся правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование. Далее они будут рассмотрены более подробно.

Правый авторитаризм и его связь с отношением к войне. Правый авторитаризм определяется как совокупность установок, связанных с социальными нормами, властью и обычаями. Он состоит из трех элементов, которые связаны между собой: конвенционализм — принятие распространенных социальных норм, которые, как считается, характерны для всего общества; авторитарное подчинение — согласие с тем,

что людям, которые имеют власть в социальной группе, необходимо демонстрировать повиновение; авторитарная агрессия — неодобрение всех тех, кто не согласен с действиями власти, а также тех, кого власть рассматривает как собственных врагов [18].

Исследования связи правого авторитаризма и отношения к войне продемонстрировали следующие результаты. Высокий уровень правого авторитаризма позитивно коррелировал с отношением к войне. При этом данная связь была характерна как для конфликтов, которые происходили на территории конкретных стран [21], так и для войны как глобального явления [12; 26; 8]. Проведенный метаанализ подтверждает полученные данные: установлена сильная связь между «правыми» взглядами людей и их агрессивным поведением по отношению к другим группам [5].

Ориентация на социальное доминирование и ее связь с отношением к войне. Ориентация на социальное доминирование отражает отношение личности к изначально существующему неравному положению различных социальных групп в обществе и к тому, что одни группы имеют больше возможностей, в то время как другие, напротив, имеют их меньше. Если у человека такая ориентация выражена сильнее, то он демонстрирует позитивное отношение к иерархии в обществе, если слабее, то негативное [18]. Необходимо подчеркнуть, что ориентация на социальное доминирование — это одобрение социального неравенства вообще, оно не зависит от того, по какому признаку (пол, возраст, раса, этнос, политические, религиозные взгляды и др.) проявляется.

Исследования связи ориентации на социальное доминирование и отношения к войне продемонстрировали следующие результаты. Некоторые из проведенных исследований выявили прямую связь между ориентацией на социальное доминирование и позитивным отношением к конкретным войнам [44] и к военным действиям в целом [8]. В то же время в другом исследовании такой связи установлено не было [12].

В качестве объяснения таких противоречивых результатов можно выдвинуть предположение, что ориентация на социальное доминирование понимается чаще респондентами как иерархия внутри страны, но не между странами (как в случае с войной).

Социальная (гражданская) идентичность и ее связь с отношением к войне. Идентичность в данном случае описывается как восприятие себя как участника социальной группы [1] (в рамках теории социальной идентичности). Помимо малых социальных групп (семья, работа) люди могут воспринимать себя как членов больших социальных групп (страна, нация).

Люди, которые демонстрируют крайне высокий уровень идентификации с большой социальной группой, могут считать ее автономной и враждебно вести себя по отношению к другим группам. Такой феномен получил название трибализм (tribalism). Война в рамках такого подхода рассматривается как крайняя форма его выражения, а члены группы склонны демонстрировать негативное поведение к членам других групп [15].

Исследователи также изучали, каким образом связаны различные виды идентичности (социальная, личная, национальная) и отношение к войне. Так, например, приверженцы сионизма (движения, которое было направлено на возрождение еврейского народа на его исторической территории) рассматривали Холокост как коллективную катастрофу. Они обращали внимание на героизм людей, которые оказались его жертвами, подчеркивали факты активного сопротивления и считали, что создание еврейского государства положит начало безопасному взаимодействию между странами. В дальнейшем это привело к формированию идентичности, в которой преваляла ее социальная часть (описывает характеристики, делающие человека похожим на членов группы) над личной (описывает уникальные характеристики человека) [38]. После Евромайдана и конфликта с Россией украинская национальная идентичность стала более выраженной (по сравнению с самоидентификацией с конкретной частью страны). Она стала включать в себя элементы отчуждения от России (хоть респонденты и отмечают, что те люди, которые живут в России, и те, которые ответственны за конфликт с Россией, могут быть разными группами людей) [40]. Исследования, в которых принимали участие люди, бывшие свидетелями (или участниками) войны, а также их дети, позволили установить следующее. Дети (18—20 лет) родителей, которые жили в период войны в Хорватии, оценивали воспоминания о ней как те, которые повлияли на формирование их идентичности в большей степени, чем остальные воспоминания. Этот эффект был сильнее у выборки из восточной Хорватии, которая пострадала в войне сильнее, чем западная [36].

Для изучения отношения к войне значительный интерес представляет один из видов идентичности — гражданская идентичность, то есть восприятие себя как гражданина собственной страны. В рамках теории социальной идентичности исследователи выделяют два основных ее проявления — патриотизм и национализм. Различие между ними заключается в том, что национализм рассматривается как межгрупповая дифференциация (различия в оценке членов ингруппы и аутгруппы), а патриотизм является частью позитивной ингрупповой оценки [42]. Дальнейшие исследования привели к пониманию патриотизма как позитивного отношения к своей стране, не связанного с ее сравнением с другими странами. В отличие от него национализм определяют как позитивное отношение к своей стране, которое базируется на чувстве превосходства над другими странами [1].

Результаты отдельных исследований, посвященных изучению связи патриотизма и национализма с отношением к аутгруппам и к войне, получились следующими. Было установлено, что высокий уровень патриотизма слабо коррелирует с отношением к войне [25]. В то же время высокий уровень национализма был

связан с позитивным отношением к войне против других стран [49].

Однако позиция, согласно которой идентичность рассматривается как неизменная психологическая переменная, постепенно ослабевает. Так, в ходе анализа 47 статей (размещались на официальных сайтах Китая), которые были посвящены торговой войне между США и Китаем, было выявлено следующее. Было выделено четыре типа идентичности: жертва торговой войны, защитник права на свободу продаж, инициатор переговоров и получающий выгоду от взаимного сотрудничества. Для ее формирования использовались четыре основные стратегии: конструктивные, трансформационные (которые описывают сходство и взаимозависимость стран) и деструктивные, оправдания (которые описывают различия и противоположность двух стран). В своих репортажах журналисты рассказывали об отношениях между странами и таким образом формировали у людей определенную гражданскую идентичность [54]. То есть результаты этого исследования показывают, что гражданская идентичность также обладает определенной мобильностью и гибкостью, она может формироваться под влиянием ситуативных факторов.

Таким образом, высокий уровень веры в опасный и конкурентный мир, мир правого авторитаризма, ориентации на социальное доминирование и национализма связаны с позитивным отношением к войне.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенный анализ материалов по изучению отношения к войне позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, изучение отношения к войне до сих пор является актуальным в науке. Число международных конфликтов, в ходе которых люди прибегают к военным действиям, возрастает. Война приводит к различным последствиям: экономическим, социальным и политическим. Она меняет и личность человека. Изучение отношения к войне и к ее последствиям даст возможность исследователям лучше понимать причины возникновения международных конфликтов, а также разрабатывать программы по сокращению числа таких конфликтов.

Во-вторых, существует потребность в метаанализах и кросс-культурных исследованиях. Результаты анализа социально-демографических и средовых переменных позволили однозначно резюмировать важность роли средств массовой информации в контексте формирования отношения к войне. Однако такие переменные, как пол, образование, культурные особенности и характеристики стран, требуют отдельного глубокого международного исследования для уточнения полученных данных. Стоит подчеркнуть отдельную важность исследований в постсоветских странах и, в

частности, в России, поскольку эти страны долгое время были исключены из научного дискурса по данной проблеме.

В-третьих, исследователи недостаточно часто обращаются к изучению индивидуально-психологических особенностей, связанных с отношением к войне. В подобных проведенных исследованиях больше изучаются последствия участия в военных действиях (например, ПТСР, связь жизнестойкости и успешной послевоенной адаптации), но не отношение к войне. На данный момент можно констатировать, что позитивное отношение к войне обратно пропорционально связано с чертами «Большой пятерки» и позитивно с чертами «Темной триады». Политические лидеры, которые, как считали респонденты, хотели повысить свой авторитет, демонстрировали демократические ценности и были заинтересованы в решении территориальных вопросов, демонстрировали позитивное отношение к войне. Кроме того, позитивное отношение к войне демонстрируют люди с низким уровнем эмпатии, испытывающие позитивные переживания, а также с высоким уровнем ценностей самоутверждения

и сохранения и низким уровнем самоопределения и открытости изменениям.

В-четвертых, позитивное отношение к войне связано с социальными верованиями — такими как вера в опасный и конкурентный мир, а также с такими идеологическими предпочтениями, как правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование. Кроме того, позитивное отношение к войне связано с таким видом гражданской идентичности, как национализм. Однако ввиду того, что большинство таких исследований корреляционные, остается потребность в изучении стабильности и направленности связи. Для этого было бы полезно сфокусироваться на экспериментальных (в том числе и лонгитюдных) исследованиях.

Таким образом, изучение отношения к войне остается одной из важных задач в современной психологии. Данный обзор может быть полезен специалистам в области социальных наук. Поиск ответов на вопросы, которые были поставлены выше, будет существенным вкладом исследователей, как в российскую, так и в мировую психологическую науку.

Литература

1. Неврюев А.Н., Гулевич О.А., Некрасова Е.А. Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 4. С. 17—26. DOI:10.31857/S020595920000066-8
2. Новая эра конфликтов и насилия [Электронный ресурс] / ООН. 2020. URL: <https://www.un.org/ru/un75/new-era-conflict-and-violence> (дата обращения: 17.02.2022).
3. Фурманов И.А. Аттитюды студентов в отношении насилия // Интеграция образования. 2020. Том 24. № 4. С. 622—640. DOI:10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640
4. A latent core of dark traits explains individual differences in peacekeepers' unethical attitudes and conduct / M. Lindén, F. Björklund, M. Bäckström, D. Messervey, D. Whetham // Military Psychology. 2019. Vol. 31. № 6. P. 499—509. DOI:10.1080/08995605.2019.1671095
5. A meta-analytic integration of research on the relationship between right-wing ideological attitudes and aggressive tendencies / A. Van Hiel, E. Onraet, D.H. Bostyn, J. Staeus, T. Haesevoets, J. Van Assche, A. Roets // European Review of Social Psychology. 2020. Vol. 31. № 1. P. 183—221. DOI:10.1080/10463283.2020.1778324
6. Abduljaber M., Kaln Ī. An Empirical Analysis of the Women and Peace Hypothesis // All Azimuth. 2021. Vol. 10. № 1. P. 5—21. DOI:10.20991/allazimuth.612487
7. ACLED [Электронный ресурс] / ACLED. 2022. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard/F813D9A90741E509131A76C9687A3BD1> (дата обращения: 14.07.2021).
8. Are attitudes toward peace and war the two sides of the same coin? Evidence to the contrary from a French validation of the Attitudes Toward Peace and War Scale / N. Van der Linden, C. Leys, O. Klein, P. Bouchat // PloS one. 2017. Vol. 12. № 9. Article ID e0184001. 18 p. DOI:10.1371/journal.pone.0184001
9. Attitudes towards war, killing, and punishment of children among young people in Estonia, Finland, Romania, the Russian Federation, and the USA / A. McAlister, P. Sandström, P. Puska, A. Veijo, R. Chereches, L.-T. Heidmets // Bulletin of the World Health Organization. 2001. Vol. 79. № 5. P. 382—387. DOI:10.1590/S0042-96862001000500003
10. Bennett S.E. The Persian Gulf War's Impact on Americans' Political Information // Political Behavior. 1994. Vol. 16. № 2. P. 179—201. DOI:10.1007/BF01498876
11. Biaggio A.M.B., Souza L.K. De, Martini R.M.F. Attitudes toward peace, war and violence in five countries // Journal of Peace Education. 2004. Vol. 1. № 2. P. 179—189. DOI:10.1080/1740020042000253730
12. Bizumic B. On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war // Political Psychology. 2013. Vol. 34. № 5. P. 673—693. DOI:10.1111/pops.12032
13. Boyatzis R.E. McClelland, David C. // Encyclopedia of Personality and Individual Difference / Eds. V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. Springer, Cham, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_2230-1
14. Carey S.C., González B. The legacy of war: The effect of militias on postwar repression // Conflict Management and Peace Science. 2020. Vol 38. № 3. P. 1—23. DOI:10.1177/0738894219899006

15. Clark C.J., Winegard B.M. Tribalism in War and Peace: The Nature and Evolution of Ideological Epistemology and Its Significance for Modern Social Science // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31. № 1. P. 1—22. DOI:10.1080/1047840x.2020.1721233
16. Clauss N., Rankin A., Byrd-Craven J. Meta-analysis of Sex Differences in Aggression // *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science* / Eds. T.K. Shackelford, V.A. Weekes-Shackelford. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 1—5. DOI:10.1007/978-3-319-16999-6_846-1
17. Conflict will Harden your Heart: Exposure to Violence, Psychological Distress, and Peace Barriers in Israel and Palestine / S. Hirsch-Hoefler, D. Canetti, C. Rapaport, S.E. Hobfoll // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46. № 4. P. 845—859. DOI:10.1017/S0007123414000374
18. Crowson H.M. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation: As mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror // *Social Psychology*. 2009. Vol. 40. № 2. P. 93—103. DOI:10.1027/1864-9335.40.2.93
19. De Vries C.E. Don't Mention the War! Second World War Remembrance and Support for European Cooperation // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2020. Vol. 58. № 1. P. 138—154. DOI:10.1111/jcms.12981
20. Djeriouat H., Mullet E. Public perception of the motives that lead political leaders to launch interstate-armed conflicts: a structural and cross-cultural study // *Universitas Psychologica*. 2013. Vol. 12. № 2. P. 327—346. DOI: 10.11144/Javeriana. UPSY12-2.plac
21. Eichenberg R.C. Public Opinion on Foreign Policy Issues // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / Ed. W.R. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2016. 20 p. DOI:10.1093/acrefore/9780190228637.013.78
22. Eichenberg R.C., Stoll R.J. The Acceptability of War and Support for Defense Spending: Evidence from Fourteen Democracies, 2004—2013 // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. Vol. 61. № 4. P. 788—813. DOI:10.1177/0022002715600760
23. Empathy to action: Child and adolescent out-group attitudes and prosocial behaviors in a setting of intergroup conflict / L.K. Taylor, D. O'Driscoll, J.B. Dautel, S. McKeown // *Social Development*. 2020. Vol. 29. № 2. P. 461—477. DOI:10.1111/sode.12421
24. European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008) / I. Gedeshi, P.M. Zulehner, D. Rotman, M. Swyngedouw, L. Voyé, G. Fotev, J. Balaban, V. Roudometof, L. Rabusic, P. Gundelach [et al.] // *GESIS Data Archive*, Cologne. ZA4800 Data file Version 4.0.0. GESIS Data Archive, 2016. Number of Units: 66281, Number of Variables: 477. DOI:10.4232/1.12458
25. Federico C.M., Golec A., Dial J.L. The Relationship Between the Need for Closure and Support for Military Action Against Iraq: Moderating Effects of National Attachment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. № 5. P. 621—632. DOI:10.1177/0146167204271588
26. Felix G., Chaube N. Right-Wing Authoritarianism, Ethnocentrism and War Attitude among University Students of India // *Wutan Huatan Jisuan Jishu*. 2021. Vol. 17. № 2. P. 49—68. DOI:10.37896/whjj17.2/587
27. Ferguson R. Masculinity and War // *Current Anthropology*. 2020. Vol. 62. № S23. P. S108—S120. DOI:10.1086/711622
28. Friedman R.S., Sutton B. Selling the War? System-Justifying Effects of Commercial Advertising on Civilian Casualty Tolerance // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 3. P. 351—367. DOI:10.1111/pops.12001
29. Gibson S. 'I'm not a war monger but...': Discourse Analysis and Social Psychological Peace Research // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 22. № 2. P. 159—173. DOI:10.1002/casp.1099
30. Grossman G., Manekin D., Miodownik D. The political legacies of combat: attitudes toward war and peace among israeli ex-combatants // *International Organization*. 2015. Vol. 69. № 4. P. 981—1009. DOI:10.1017/s002081831500020x
31. Gulevich O., Nevryuev A., Sarieva I. War as a method of conflict resolution: The link between social beliefs, ideological orientations, and military attitudes in Russia // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2020. Vol. 26. № 2. P. 192—201. DOI:10.1037/pac0000434
32. Heradstveit D., Bonham G. M. Attribution Theory and Arab Images of the Gulf War // *Political Psychology*. 1996. Vol. 17. № 2. P. 271—292. DOI:10.2307/3791811
33. Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective Memory from a Psychological Perspective // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 22. № 5. P. 438—451. DOI:10.1016/j.tics.2018.02.010
34. Hundrieser M., Mattes A., Stahl J. Predicting participants' attitudes from patterns of event-related potentials during the reading of morally relevant statements — An MVPA investigation // *Neuropsychologia*. 2021. Vol. 153. Article ID 107768. DOI:10.1016/j.neuropsychologia.2021.107768
35. Individual differences in masculine honor beliefs predict attitudes toward aggressive security measures, war, and peace / D.A. Saucier, R.J. Webster, J.L. McManus, T.L. Sonnentag, C.J. O'Dea, M.L. Strain // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2018. Vol. 24. № 1. P. 112—116. DOI:10.1037/pac0000303
36. Intergenerational transmission of historical memories and social-distance attitudes in post-war second-generation Croatians / C. Svob, N.R. Brown, V. Takšić, K. Katulić, V. Žauhar // *Memory & Cognition*. 2016. Vol. 44. № 6. P. 846—855. DOI:10.3758/s13421-016-0607-x
37. Kalagy T., Braun-Lewensohn O., Abu-Kaf S. Youth from Fundamentalist Societies: What are Their Attitudes Toward War and Peace and Their Relations with Anxiety Reactions? // *Journal of Religion and Health*. 2017. Vol. 56. № 3. P. 1064—1080. DOI:10.1007/s10943-017-0358-4

38. *Keynan I.* The Memory of the Holocaust and Israel's Attitude Toward War Trauma, 1948—1973: The Collective vs. the Individual // *Israel Studies*. 2018. Vol. 23. № 2. P. 95—117. DOI:10.2979/israelstudies.23.2.05
39. *Klimecki O.M.* The Role of Empathy and Compassion in Conflict Resolution // *Emotion Review*. 2019. Vol. 11. № 4. P. 310—325. DOI:10.1177/1754073919838609
40. *Kulyk V.* National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. № 4. P. 588—608. DOI:10.1080/09668136.2016.1174980
41. *Maoz I., McCauley C.* Psychological correlates of support for compromise: a polling study of jewish-israeli attitudes toward solutions to the Israeli-Palestinian conflict // *Political Psychology*. 2005. Vol. 26. № 5. P. 791—808. DOI:10.1111/j.1467-9221.2005.00444.x
42. *Mummendey A., Klink A., Brown R.* Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection // *British Journal of Social Psychology*. 2001. Vol. 40. № 2. P. 159—172. DOI:10.1348/014466601164740
43. *Oliphant J.B.* The Iraq War continues to divide the U.S. public, 15 years after it began [Электронный ресурс] // Pew Research Center, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/19/iraq-war-continues-to-divide-u-s-public-15-years-after-it-began/> (дата обращения: 28.02.2022).
44. Personal Values and Attitudes Toward War / J.C. Cohrs, B. Moschner, J. Maes, S. Kielmann // *Peace and Conflict*. 2005. Vol. 11. № 3. P. 293—312. DOI:10.1207/s15327949pac1103_5
45. Personality dimensions and attitudes towards peace and war / H.H. Blumberg, R. Zeligman, L. Appel, S. Tibon-Czopp // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2017. Vol. 9. № 1. P. 13—23. DOI:10.1108/jacpr-05-2016-0231
46. Political advertising effectiveness in war-time Syria / A.B. Mahmoud, N. Grigoriou, L. Fuxman, W.D. Reisel // *Media, War & Conflict*. 2020. Vol. 13. № 4. P. 375—398. DOI:10.1177/1750635219841356
47. *Rothschild Z.K., Abdollahi A., Pyszczynski T.* Does peace have a prayer? The effect of mortality salience, compassionate values, and religious fundamentalism on hostility toward out-groups // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45. № 4. P. 816—827. DOI:10.1016/j.jesp.2009.05.016
48. *Sawada K., Nomura M.* Influence of Positive and Threatened Awe on the Attitude Toward Norm Violations // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00148
49. Seeking understanding or sending bombs: Beliefs as predictors of responses to terrorism / D. Henderson-King, E. Henderson-King, B. Bolea, K. Koches, A. Kauffman // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2004. Vol. 10. № 1. P. 67—84. DOI:10.1207/s15327949pac1001_5
50. *Silander D.* Transatlantic relations in a post-bush era — cooperation or conflict? // *American Studies in Scandinavia*. 2009. Vol. 41. № 2. P. 25—44. DOI:10.22439/asca.v41i2.4576
51. *Sundberg R.* Change and Stability in Attitudes Toward Violence During ISAF Service // *Military Psychology*. 2017. Vol. 29. № 5. P. 370—380. DOI:10.1037/mil0000174
52. *Thurstone L.L.* The measurement of social attitudes // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1931. Vol. 26. № 3. P. 249—269. DOI:10.1037/h0070363
53. *Wallace G. P.* Condemning or Condoning the Perpetrators? International Humanitarian Law and Attitudes Toward Wartime Violence // *Law & Social Inquiry*. 2019. Vol. 44. № 1. P. 192—226. DOI:10.1017/lsi.2018.22
54. *Wang H., Ge Y.* Negotiating national identities in conflict situations: The discursive reproduction of the Sino-US trade war in China's news reports // *Discourse & Communication*. 2020. Vol. 14. № 1. P. 65—83. DOI:10.1177/1750481319893406
55. *Watkins H.M., Goodwin G.P.* A fundamental asymmetry in judgments of soldiers at war // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2020. Vol. 149. № 3. P. 419—444. DOI:10.1037/xge0000666
56. World Values Survey Wave 6 (2010—2014) / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen. World Values Survey Association, 2018. DOI:10.14281/18241.8

References

1. Nevryuev A.N., Gulevich O.A., Nekrasova E.A. Vera v spravedlivyi mir, grazhdanskaya identichnost' i sotsial'naya ustanovka po otnosheniyu k voine (na primere grazhdanskoi voiny v Sirii) [Belief in a just world, national identity, and military attitudes: the case of syria war]. *Psikhologicheskii zhurnal = [Psychological Journal]*, 2018. Vol. 39, no. 4, pp. 17—26. DOI:10.31857/S020595920000066-8 (In Russ.).
2. A New Era of Conflict and Violence [Elektronnyi resurs]. *United Nations*, 2020. URL: <https://www.un.org/en/un75/new-era-conflict-and-violence> (Accessed 17.02.2022).
3. Furmanov I.A. Attityudy studentov v otnoshenii nasiliya [The Attitudes of Students towards Violence]. *Integratsiya obrazovaniya = Psychology of education*, 2020. Vol. 24, no. 4, pp. 622—640. DOI:10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640 (In Russ.).
4. Lindén M., Björklund F., Bäckström M., Messervey D., Whetham D. A latent core of dark traits explains individual differences in peacekeepers' unethical attitudes and conduct. *Military Psychology*, 2019. Vol. 31, no. 6, pp. 499—509. DOI:10.1080/08995605.2019.1671095

5. Van Hiel A., Onraet E., Bostyn D.H., Stadeus J., Haesevoets T., Van Assche J., Roets A. A meta-analytic integration of research on the relationship between right-wing ideological attitudes and aggressive tendencies. *European Review of Social Psychology*, 2020. Vol. 31, no. 1, pp. 183—221. DOI:10.1080/10463283.2020.1778324
6. Abduljaber M., Kalin İ. An Empirical Analysis of the Women and Peace Hypothesis. *All Azimuth*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 5—21. DOI:10.20991/allazimuth.612487
7. ACLED [Elektronnyi resurs]. *ACLED*, 2022. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard/F813D9A90741E509131A76C9687A3BD1> (Accessed 14.07.2021).
8. Van der Linden N., Leys C., Klein O., Bouchat P. Are attitudes toward peace and war the two sides of the same coin? Evidence to the contrary from a French validation of the Attitudes Toward Peace and War Scale. *PLoS one*, 2017. Vol. 12, no. 9, article ID e0184001, 18 p. DOI:10.1371/journal.pone.0184001
9. McAlister A., Sandström P., Puska P., Veijo A., Chereches R., Heidmets L.-T. Attitudes towards war, killing, and punishment of children among young people in Estonia, Finland, Romania, the Russian Federation, and the USA. *Bulletin of the World Health Organization*, 2001. Vol. 79, no. 5, pp. 382—387. DOI:10.1590/S0042-96862001000500003
10. Bennett S.E. The Persian Gulf War's Impact on Americans' Political Information. *Political Behavior*, 1994. Vol. 16, no. 2, pp. 179—201. DOI:10.1007/BF01498876
11. Biaggio A.M.B., Souza L.K.De, Martini R.M.F. Attitudes toward peace, war and violence in five countries. *Journal of Peace Education*, 2004. Vol. 1, no. 2, pp. 179—189. DOI:10.1080/1740020042000253730
12. Bizumic B. On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 5, pp. 673—693. DOI:10.1111/pops.12032
13. Boyatzis R.E. McClelland, David C. In Zeigler-Hill V., Shackelford T. (eds.), *Encyclopedia of Personality and Individual Difference*. Springer, Cham, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_2230-1
14. Carey S.C., González B. The legacy of war: The effect of militias on postwar repression. *Conflict Management and Peace Science*, 2020. Vol. 38, no. 3, pp. 1—23. DOI:10.1177/0738894219899006
15. Clark C.J., Winegard B.M. Tribalism in War and Peace: The Nature and Evolution of Ideological Epistemology and Its Significance for Modern Social Science. *Psychological Inquiry*, 2020. Vol. 31, no. 1, pp. 1—22. DOI:10.1080/1047840x.2020.1721233
16. Clauss N., Rankin A., Byrd-Craven J. Meta-analysis of Sex Differences in Aggression. In Shackelford T.K., Weekes-Shackelford V.A. (eds.), *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Cham: Springer International Publishing, 2017, pp. 1—5. DOI:10.1007/978-3-319-16999-6_846-1
17. Hirsch-Hoefler S., Canetti D., Rapaport C., Hobfoll S.E. Conflict will Harden your Heart: Exposure to Violence, Psychological Distress, and Peace Barriers in Israel and Palestine. *British Journal of Political Science*, 2016. Vol. 46, no. 4, pp. 845—859. DOI:10.1017/S0007123414000374
18. Crowson H.M. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation: As mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror. *Social Psychology*, 2009. Vol. 40, no. 2, pp. 93—103. DOI:10.1027/1864-9335.40.2.93
19. De Vries C.E. Don't Mention the War! Second World War Remembrance and Support for European Cooperation. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2020. Vol. 58, no. 1, pp. 138—154. DOI:10.1111/jcms.12981
20. Djeriouat H., Mullet E. Public perception of the motives that lead political leaders to launch interstate-armed conflicts: a structural and cross-cultural study. *Universitas Psychologica*, 2013. Vol. 12, no. 2, pp. 327—346. DOI: 10.11144/Javeriana. UPSY12-2.plac
21. Eichenberg R.C. Public Opinion on Foreign Policy Issues. In Thompson W.R. (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 20 p. DOI:10.1093/acrefore/9780190228637.013.78
22. Eichenberg R.C., Stoll R.J. The Acceptability of War and Support for Defense Spending: Evidence from Fourteen Democracies, 2004—2013. *Journal of Conflict Resolution*, 2017. Vol. 61, no. 4, pp. 788—813. DOI:10.1177/0022002715600760
23. Taylor L.K., O'Driscoll D., Dautel J.B., McKeown S. Empathy to action: Child and adolescent out-group attitudes and prosocial behaviors in a setting of intergroup conflict. *Social Development*, 2020. Vol. 29, no. 2, pp. 461—477. DOI:10.1111/sode.12421
24. Gedeshi I., Zulehner P.M., Rotman D., Swyngedouw M., Voyé L., Fotev G., Balaban J., Roudometof V., Rabusic L., Gundelach P. et al. European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008). *GESIS Data Archive, Cologne. ZA4800 Data file Version 4.0.0. GESIS Data Archive*, 2016. Number of Units: 66281, Number of Variables: 477. DOI:10.4232/1.12458
25. Federico C.M., Golec A., Dial J.L. The Relationship Between the Need for Closure and Support for Military Action Against Iraq: Moderating Effects of National Attachment. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2005. Vol. 31, no. 5, pp. 621—632. DOI:10.1177/0146167204271588
26. Felix G., Chaube N. Right-Wing Authoritarianism, Ethnocentrism and War Attitude among University Students of India. *Wutan Huatan Jisuan Jishu*, 2021. Vol. 17, no. 2, pp. 49—68. DOI:10.37896/whjj17.2/587
27. Ferguson R. Masculinity and War. *Current Anthropology*, 2020. Vol. 62, no. S23, pp. S108—S120. DOI:10.1086/711622
28. Friedman R.S., Sutton B. Selling the War? System-Justifying Effects of Commercial Advertising on Civilian Casualty Tolerance. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 3, pp. 351—367. DOI:10.1111/pops.12001

29. Gibson S. 'I'm not a war monger but...': Discourse Analysis and Social Psychological Peace Research. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2012. Vol. 22, no. 2, pp. 159—173. DOI:10.1002/casp.1099
30. Grossman G., Manekin D., Miodownik D. The political legacies of combat: attitudes toward war and peace among israeli ex-combatants. *International Organization*, 2015. Vol. 69, no. 4, pp. 981—1009. DOI:10.1017/s002081831500020x
31. Gulevich O., Nevryuev A., Sarieva I. War as a method of conflict resolution: The link between social beliefs, ideological orientations, and military attitudes in Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2020. Vol. 26, no. 2, pp. 192—201. DOI:10.1037/pac0000434
32. Heradstveit D., Bonham G. M. Attribution Theory and Arab Images of the Gulf War. *Political Psychology*, 1996. Vol. 17, no. 2, pp. 271—292. DOI:10.2307/3791811
33. Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective Memory from a Psychological Perspective. *Trends in Cognitive Sciences*, 2018. Vol. 22, no. 5, pp. 438—451. DOI:10.1016/j.tics.2018.02.010
34. Hundrieser M., Mattes A., Stahl J. Predicting participants' attitudes from patterns of event-related potentials during the reading of morally relevant statements — An MVPA investigation. *Neuropsychologia*, 2021. Vol. 153. Article ID 107768. DOI:10.1016/j.neuropsychologia.2021.107768
35. Saucier D.A., Webster R.J., McManus J.L., Sonnentag T.L., O'Dea C.J., Strain M.L. Individual differences in masculine honor beliefs predict attitudes toward aggressive security measures, war, and peace. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2018. Vol. 24, no. 1, pp. 112—116. DOI:10.1037/pac0000303
36. Svob C., Brown N.R., Takšić V., Katulić K., Žauhar V. Intergenerational transmission of historical memories and social-distance attitudes in post-war second-generation Croats. *Memory & Cognition*, 2016. Vol. 44, no. 6, pp. 846—855. DOI:10.3758/s13421-016-0607-x
37. Kalagy T., Braun-Lewensohn O., Abu-Kaf S. Youth from Fundamentalist Societies: What are Their Attitudes Toward War and Peace and Their Relations with Anxiety Reactions? *Journal of Religion and Health*, 2017. Vol. 56, no. 3, pp. 1064—1080. DOI:10.1007/s10943-017-0358-4
38. Keynan I. The Memory of the Holocaust and Israel's Attitude Toward War Trauma, 1948—1973: The Collective vs. the Individual. *Israel Studies*, 2018. Vol. 23, no. 2, pp. 95—117. DOI:10.2979/israelstudies.23.2.05
39. Klimecki O.M. The Role of Empathy and Compassion in Conflict Resolution. *Emotion Review*, 2019. Vol. 11, no. 4, pp. 310—325. DOI:10.1177/1754073919838609
40. Kulyk V. National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War. *Europe-Asia Studies*, 2016. Vol. 68, no. 4, pp. 588—608. DOI:10.1080/09668136.2016.1174980
41. Maoz I., McCauley C. Psychological correlates of support for compromise: a polling study of jewish-israeli attitudes toward solutions to the Israeli-Palestinian conflict. *Political Psychology*, 2005. Vol. 26, no. 5, pp. 791—808. DOI:10.1111/j.1467-9221.2005.00444.x
42. Mummendey A., Klink A., Brown R. Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection. *British Journal of Social Psychology*, 2001. Vol. 40, no. 2, pp. 159—172. DOI:10.1348/014466601164740
43. Oliphant J.B. The Iraq War continues to divide the U.S. public, 15 years after it began [Elektronnyi resurs]. *Pew Research Center*, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/19/iraq-war-continues-to-divide-u-s-public-15-years-after-it-began/> (Accessed 28.02.2022).
44. Cohrs J.C., Moschner B., Maes J., Kielmann S. Personal Values and Attitudes Toward War. *Peace and Conflict*, 2005. Vol. 11, no. 3, pp. 293—312. DOI:10.1207/s15327949pac1103_5
45. Blumberg H.H., Zeligman R., Appel L., Tibon-Czopp S. Personality dimensions and attitudes towards peace and war. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2017. Vol. 9, no. 1, pp. 13—23. DOI:10.1108/jacpr-05-2016-0231
46. Mahmoud A.B., Grigoriou N., Fuxman L., Reisel W.D. Political advertising effectiveness in war-time Syria. *Media, War & Conflict*, 2020. Vol. 13, no. 4, pp. 375—398. DOI:10.1177/1750635219841356
47. Rothschild Z.K., Abdollahi A., Pyszczynski T. Does peace have a prayer? The effect of mortality salience, compassionate values, and religious fundamentalism on hostility toward out-groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 45, no. 4, pp. 816—827. DOI:10.1016/j.jesp.2009.05.016
48. Sawada K., Nomura M. Influence of Positive and Threatened Awe on the Attitude Toward Norm Violations. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11, 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00148
49. Henderson-King D., Henderson-King E., Bolea B., Koches K., Kauffman A. Seeking understanding or sending bombs: Beliefs as predictors of responses to terrorism. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2004. Vol. 10, no. 1, pp. 67—84. DOI:10.1207/s15327949pac1001_5
50. Silander D. Transatlantic relations in a post-bush era — cooperation or conflict? *American Studies in Scandinavia*, 2009. Vol. 41, no. 2, pp. 25—44. DOI:10.22439/asca.v41i2.4576
51. Sundberg R. Change and Stability in Attitudes Toward Violence During ISAF Service. *Military Psychology*, 2017. Vol. 29, no. 5, pp. 370—380. DOI:10.1037/mil0000174
52. Thurstone L.L. The measurement of social attitudes. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1931. Vol. 26, no. 3, pp. 249—269. DOI:10.1037/h0070363

53. Wallace G, pp. Condemning or Condoning the Perpetrators? International Humanitarian Law and Attitudes Toward Wartime Violence. *Law & Social Inquiry*, 2019. Vol. 44, no. 1, pp. 192—226. DOI:10.1017/lsi.2018.22
54. Wang H., Ge Y. Negotiating national identities in conflict situations: The discursive reproduction of the Sino-US trade war in China's news reports. *Discourse & Communication*, 2020. Vol. 14, no. 1, pp. 65—83. DOI:10.1177/1750481319893406
55. Watkins H.M., Goodwin G.P. A fundamental asymmetry in judgments of soldiers at war. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2020. Vol. 149, no. 3, pp. 419—444. DOI:10.1037/xge0000666
56. Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. World Values Survey Wave 6 (2010-2014). World Values Survey Association, 2018. DOI:10.14281/18241.8

Информация об авторах

Неврюев Андрей Николаевич, старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (ФГОБУ ВО «Финуниверситет»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Сариева Ирена Ремаевна, старший преподаватель департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Information about the authors

Andrey N. Nevryuev, Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Irena R. Sarieva, Senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Получена 24.04.2021

Received 24.04.2021

Принята в печать 21.07.2021

Accepted 21.07.2021